

Научная статья / Original research article

УДК 323.2; 316.4

DOI: <https://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-2-83-102>

EDN: NFPCWK

Ценностные доминанты в публично-властных отношениях

А. Л. Скифская*, П. П. Шишаков, А. В. Калинина, С. А. Шестаков

Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация

**skifskajaal@tyuiu.ru*

Аннотация. В условиях политических изменений объективной реальностью становится трансформация публичного пространства (цифровизация, повышение доступности информации, рост политической активности, запрос на участие), где анализ ценностных оснований власти приобретает ключевое значение для понимания векторов развития публично-властных отношений. Система публично-властных отношений функционирует на основе иерархии конкурирующих ценностных доминант. Конфигурация этой иерархии определяет специфику политического режима и характер взаимодействия с обществом, обнажая и усугубляя внутренние противоречия или способствуя социально-экономическому развитию. Цель исследования — анализ теоретических аспектов трансформации политических ценностей и актуализация ценностных доминант в публично-властных отношениях на региональном уровне. Для достижения задач этой работы было проведено социологическое исследование с применением Google Forms (январь — март 2026 г.). Его целью стало выявление мнения граждан о ценностных доминантах сегодняшней власти и противоречиях в базовых ценностях в публично-властных отношениях. В качестве гипотезы было выдвинуто предположение, что даже среди населения существуют противоречия в понимании политических ценностей и приоритетов, что сказывается на конфигурации публично-властных отношений. Результаты исследования носят пилотный характер, однако могут служить основой для мониторинга изменений в требованиях к системе власти со стороны регионального сообщества.

Ключевые слова: публичная власть, публично-властные отношения, ценности, ценностные доминанты, конфликт ценностей, политические интересы, политический конфликт

Для цитирования: Ценностные доминанты в публично-властных отношениях /А. Л. Скифская, П. П. Шишаков, А. В. Калинина, С. А. Шестаков. — <https://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-2-83-102> // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. — 2026. — № 2. — С. 83–102. — EDN: NFPCWK

Value dominants in public-power relations

Anna L. Skifskaya*, Pavel P. Shishakov, Anna V. Kalinina, Sergey A. Shestakov

Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

**skifskajaal@tyuiu.ru*

Abstract. In the context of political change, the transformation of public space has become an objective reality. This transformation is marked by digitalization, greater access to information, growing political activity, and increasing public demand for participation. Under these conditions, the analysis of the value foundations of power becomes essential for understanding the development of public power relations. The system of public power

relations functions on the basis of a hierarchy of competing value dominants. The configuration of this hierarchy determines the characteristics of the political regime and the nature of state-society interaction. It exposes and intensifies internal contradictions or contribute to socio-economic development. This study aims to analyze the theoretical aspects of political value transformation and to identify the current value dominants in public power relations at the regional level. To achieve these objectives, the authors of this article conducted a sociological survey applying Google Forms between January and March 2026. The aim of this social research was to find out the opinions of citizens about the value dominants of contemporary government and the contradictions embedded in the basic values of public power relations. The hypothesis is assumption that contradictions in the understanding of political values and priorities exist even among citizens themselves, and that these contradictions influence the configuration of public power relations. The results of the study have a pilot character. However, they can serve as a basis for monitoring changes in regional community expectations toward the system of public authority.

Keywords: public power relations, values, value dominants, conflict of values, political interests, political conflict, public power

For citation: Skifskaya, A. L., Shishakov, P. P., Kalinina, A. V., & Shestakov, S. A. (2026). Value dominants in public-power relations. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (2), pp. 83-102. (In Russ.). <https://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-2-83-102>

Введение

В политической науке наблюдается устойчивый аксиологический поворот, связанный с осознанием сугубо институциональных и процедурных подходов к анализу публично-властных отношений. Как справедливо отмечается, ценности перестают рассматриваться как надстройка над материальными интересами и признаются самостоятельным структурообразующим фактором политических систем. Несмотря на значительный интерес, эмпирические исследования не отвечают на базовые вопросы. Большая часть работ изучает общероссийские тренды, базовые ценности без актуализации и учета современных тенденций: повышение доступности и расширение источников информации, прозрачности деятельности представителей органов власти, дифференциация населения по приоритетам и балансам политических ценностей в публично-властных отношениях.

Задачи статьи — на основе результатов исследования теоретических разработок, политического дискурса и социологического исследования определить, остаются ли базовые ценности актуальными; выявить наличие в восприятии регионального сообщества противоречий в ценностных доминантах, определяющих характер публично-властных отношений в политическом пространстве.

Литературный обзор

В практике политического управления отношений в системе «власть — общество» достаточное внимание уделено исследованиям социетального общества (социума), где общество выступает объектом пристального внимания — изменятся ли настроения, ценности, протестный потенциал, уровень доверия. При этом логика, ценности, мотивация и механизмы самой системы публично-властных отношений в основном изучаются через призмы формальных институтов.

Нормативно-философский ракурс в учениях Платона, Аристотеля [1] рассматривает власть и публичные отношения через призму должного идеала, справедливости, которые задают ценностные ориентиры. Договорной подход связан с именами Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо [1, 2] и утверждает источником власти рациональный договор между людьми для выживания и защиты естественных прав. Ценность — легитимность власти на основе согласия управляемых.

Институционально-правовой ракурс исследования оперирует рядом методологических подходов: неоинституциональным, аксиологическим и теорией социального капитала. Представитель неоинституционального подхода в политической науке Д. Норт предлагает рассматривать институты как ключевой фактор, определяющий долгосрочное развитие общества; институты как «правила игры» и «ограничительные рамки», созданные человеком, структурирующие политическое, экономическое и социальное взаимодействие [3].

Аксиологический подход в работах М. Вебера и Т. Парсонса [1] позволяет анализировать ценности не как статичный набор лозунгов, а как динамичную основу социального порядка, легитимации власти и коллективного действия. Направленность М. Вебера — ценностно-рациональное действие, в контексте публично-властных отношений чиновник может рационально выполнять служебные обязанности, что будет являться целерациональностью, с другой стороны его подход к гражданам может быть интерпретирован ценностью служения или социального превосходства.

Т. Парсонс интерпретирует ценности как конституирующую, интегрирующую и стабилизирующую систему, называя ее кибернетической иерархией: система ценностей — высший уровень (демократия, культура, традиционные ценности); нормы, законы и кодексы; коллективы, организации и институты (администрация, городская дума); роли, позиции участников этой системы (чиновники, депутаты); личность, индивид, а также его мотивы и ресурсы. Постструктуралистический подход М. Фуко трактует власть как отношения и технологии, настаивая на том, что: «Власть равно знание» [4].

Среди российских ученых политические ценности исследовали: Г. М. Андреева в рамках теории социальной психологии через призму коллективистской психологии [5]; В. А. Ядов, предложивший диспозиционную теорию регуляции социального поведения личности в политике [6]; В. А. Артёмов и В. И. Патрушев, рассматривавшие ценности в общественной жизни [7]; Г. Г. Дилигенский, проведший глубокий анализ социально-политической психологии и политических ценностей [8]. Исследованием на общегосударственном уровне занималась Российская академия наук, в частности ее представители: В. В. Петухов, проводивший регулярный мониторинг динамики политический ценностей, анализ запроса на «справедливость и «стабильность»; М. К. Горшков, изучавший методологические вопросы в сфере политических исследований [9]. Сибирская академия наук (Томская политическая школа А. И. Щербинин, Н. Г. Щербинина) проводила исследования в сфере общественно-политической жизни общества в восточных регионах [10, 11].

Последние исследователи, такие как А. Ю. Невмержицкий, А. С. Ахременко, задействуют инструментальный ракурс — используют цифровые методы анализа политических ценностей [13, 14] и обосновывают возможность и необходимость применения Big Data, анализ социальных сетей для изучения политических настроений и роли цифровой среды в трансформации политических ценностей.

Материалы и методы

Для исследования политических доминант в публично-властных отношениях был применен комплексный подход, включающий исследование различных аспектов формирования и трансформации публичных ценностей в контексте региональной власти и регионального сообщества. Методологическая стратегия опиралась на теоретико-концептуальный анализ понимания ценностных доминант в политической и социологической науке (нормативный, структурно-функциональный анализ и т. д.); анализ механизмов влияния на характер публично-властных взаимодействий и легитимности политического режима. В октябре — ноябре 2025 г. для выявления мнения носителей информации (жителей Тюменской области) и представлений о политических и социальных ценностях было проведено электронное анкетирование с использованием Google Forms, направленное на выявление уровня доверия к региональным институтам власти, представлений граждан об идеальных и реально реализуемых ценностях и приоритетах власти, субъективности восприятия баланса ключевых ценностей со стороны населения.

Результаты и обсуждение

Итак, в наиболее общем понимании публично-властные отношения — это комплекс формальных и неформальных взаимодействий между носителями власти (государственные институты, элиты) и публикой (граждане, группы, общество) по поводу принятия и исполнения общественно значимых решений [14]. Публично-властные отношения, их политическая легитимность и ценностные доминанты формируют каркас любой политической системы. Их связь носит системный, взаимообуславливающий и динамический характер единой логической цепочки (рис. 1).

Рис. 1. Трехуровневая модель воспроизводства и функционирования власти

Fig. 1. Three-level model of the reproduction and functioning of power

Эти взаимодействия могут носить разный характер и исследуются под разным углом и с различных точек зрения. Институционализм и неoinституционализм оперируют понятием формально-рациональных отношений в рамках легальных институтов — это отношения управления и подчинения, урегулированные правовыми нормами и бюрократическими процедурами. Власть реализуется через безличные, предсказуемые правила. Плюрализм (Р. Даль) характеризует публично-властные отношения как отношения конкуренции и торга между группами интересов, государство лишь нейтральный арбитр на рынке идей и влияния. Элитизм и неомарксизм ставят акцент на том, что публично властные отношения: «Это отношения господства и подчинения, воспроизводящее неравенство. Власть сконцентрирована, отношения ассиметричны и репрессивны» [10]. Теория Governance (Р. Роудс) рассматривает связку «власть — общество» через сетевые взаимодействия «государство — рынок — гражданское общество». Власть рассредоточена в сетях, отношения основаны на переговорах и ресурсной зависимости [9].

Основой признания власти, ее моральной оправданности и добровольного согласия, признания обществом права власти на управление выступает легитимность власти. Легитимность — не статичное свойство, а динамичный процесс постоянного доказывания и общественного признания состоятельности системы публично-властных отношений. Легитимность как признание права власти служит фундаментальным ресурсом, позволяющим власти функционировать без прямого насилия, проявляясь на трех взаимосвязанных уровнях:

- прагматическом или инструментальном, где власть признается, пока она обеспечивает безопасность, а именно общественный порядок, экономическую стабильность и личное благополучие. Ряд ученых называют такую легитимность условной;
- морально-нормативном, где признание основано на соответствии власти глубинной системе ценностей общества: идеология, традиции, вера, законность, справедливость распределения благ;
- экзистенциальном — наивысшем уровне легитимности, образованном на слиянии личной и коллективно идентичности с миссией власти: «Власть — это часть нас, выражение нашей судьбы и воли» [1].

Итак, 3 уровня легитимности власти, от ритуала до экзистенциального, имеют свои механизмы воспроизводства и поддержки. Они формируют сложную инфраструктуру, которую необходимо постоянно поддерживать через политические, социальные, административные стратегии: от права выбора, через ценности до дисциплинарного аппарата.

Инфраструктура объединяет 4 стратегии:

- ритуально-символические, включающие выборы, инаугурацию, парады, государственные праздники и превращающие абстрактную власть в событие для коллективного переживания;
- дискурсивные, контролирующие язык и рамки допустимого мышления и выражения о системе власти;
- административно-распределительные каналы, включающие систему социальной поддержки в виде пособий, государственных услуг, льгот, грантов [12]. Здесь легитимность «обменивается» на материальные блага и демонстрируется забота;
- дисциплинарный аппарат, формирующий четкие границы дозволенного и наказание за нарушение. Как правило, легитимность через страх работает, но требует огромных затрат и снижает доверие и степень легитимности.

Степень доверия, легитимность власти могут снижаться, говоря языком журналистов, до нулевой отметки. Такой кризис обуславливается рядом факторов, где одним из ключевых является разрыв между реальными действиями (практиками) системы власти и декларируемыми ею ценностями, глобально — между ценностями власти и общества. Чем сильнее разрыв, тем более шаткая позиция системы власти.

Разрывы и различия между публичной властью и обществом в базе своей лежат в понимании ценностей:

- являются ли ценности и легитимность объективными сущностями или это результат дискуссии / борьбы;
- основаны ли публично-властные отношения на общности интересов с обществом или все-таки на подавлении;
- что первично в формировании ценностей — институты, формирующие их и создающие правила «игры», или общество, имеющее свои группы интересов и меняющее эти институты.

Выбор определенного подхода не является нейтральным. Это всегда гибридизация подходов: публичная власть одновременно и институциональна, и дискурсивна, ее легитимность держится одновременно на эффективности, ценностях общества и силах идеологического и дисциплинарного аппарата.

Казалось бы, современный мир — мир прагматизма (выгоды, эффективности, алгоритмов, data science), однако главной на политическом поле становится битва за ценности [13]. Почему сейчас, в эпоху цифровизации и глобализации? Технологии обнажили ценностные выборы, они не нейтральны: система распознавания лиц упирается в выбор между ценностью безопасности и ценностью приватности и личного пространства; социальные сети ранжируют контент, исходя из ценностных установок заказчика; технологии усиливают ценностные конфликты с целью «разделяй и власт-

вуй». Базовое понимание эффективности как источника легитимности исчерпало себя: рост ВВП не всегда положительно сказывается на благополучии, углубляющая долговая яма сильной страны не есть снижение легитимности ее власти. Пандемия поставила вопрос о балансе здоровья общества и личных свобод (обязательность прививок, ношения масок, ограничения передвижения). Климатический кризис обозначает выбор между ценностями будущих поколений и сегодняшним сверхпотреблением. Мировые вызовы: выбор между суверенитетом и глобализацией, между традиционными ценностями (собственным путем развития) и глобальными. Ответы всегда будут ценностно-политическими.

На рисунке 1 ценности в публично-властных отношениях выступают «несущими конструкциями», разрыв между ценностями власти и общества делает пирамиду власти неустойчивой, нивелируя в том числе механизмы силового контроля. Такое утверждение фиксирует ключевой сдвиг в понимании публично-властных отношений, произошедший в конце XX — начале XXI вв. [11]. Внутренняя политика в эпоху технологий перестала быть сферой исключительно дисциплинарного аппарата или экономического интереса. Определение доминирующих ценностей — это определение будущего облика общества и публичной власти (концепция символического насилия П. Бурдьё [1]) через определение «нормального», «истинного», «справедливого».

Итак, ценности всегда были специфическим объектом анализа в разных науках, в наиболее общем виде обозначающие, во-первых, положительную или отрицательную значимость объекта, явления, действительности, без учета качественных характеристик (предметные ценности); во-вторых, нормативную (оценочную) сторону явлений общественного сознания (субъектные ценности) [16]. Попытки классификации неоднократно предпринимались и их содержание не вызывало у авторов сомнений: Истина, Добро, Красота; иногда Свобода, Справедливость (Аристотель, Фома Аквинский, Г. Риккерт, Н. Гартман [1]). Современные авторы склонны выделять несколько альтернативных или параллельных ценностных иерархий. Интересны взгляды исследователей, отрицающих построение жесткой иерархии ценностей и предлагающих предпочтение одних требований другим в зависимости от ситуации и внешних условий [17]. Типологии ценностей имеют разные основания, и мы не будем на них останавливаться, сосредоточившись на высших ценностях (доминантах) в социальной и политической сфере.

В наиболее общем понимании финальные ценности или ценностные доминанты представляют собой системообразующие, иерархические высшие ценности, которые определяют цели, «оправдывают средства» [8]. В сферы публично-властных отношений они задают актуальные направления деятельности, критерии оценки, уровень лояльности к публичной власти со стороны общества (табл.1).

Таблица 1. Подходы к категории «ценностные доминанты»**Table 1.** Approaches to the category of "value dominants"

Направление / теория / школа, объединенные идеями	Суть подхода / определения	Ключевые акценты
Нормативная философия Классический либерализм	Общественный договор, основанный на естественных универсальных ценностях: свобода, справедливость, равенство. Доминанты заданы моральным законом	Абсолютность и универсальность. Ценности как внеисторический идеал, к которому должна стремиться власть
Структурный функционализм	Ценности как интегративный механизм социальной системы. Доминанты — разделяемые представления о желаемом, обеспечивающие стабильность и предсказуемость властных взаимодействий.	Консенсус и стабильность. Ценности функциональны, они снижают социальное напряжение и легитимируют существующий порядок
Неомарксизм Критическая теория	Доминанты — исторические ценности элиты, приставленные как «общезначимые» и естественные через идеологический аппарат	Конфликт и господство. Ценности навязаны, маскируют реальные отношения господства
Конструктивизм Дискурс-анализ	Доминанты — временно закрепленные ценности в политическом дискурсе, которые структурируют политической поле (суверенитет, безопасность)	Процессуальность и борьба. Ценности не отражают реальность, а конструируют ее, они — предмет политической борьбы и отстаивания
Теория модернизации Транзитология	Доминанты динамичны, меняются от материалистических к постматериалистическим ценностям (самовыражение, участие, качество жизни) по мере роста благосостояния	Эволюция и смена парадигм. Доминанты поколенчески и экономически обусловлены

Возвращаясь к рисунку 1, отметим, что ценностные доминанты лежат в основе публично-властных отношений и формируют практики политической деятельности, выступают источником критериев для построения отношений с обществом и внутри самой системы [18]:

- во-первых, ценностные доминанты задают правила — если доминирующей ценностью является «суверенитет и стабильность», то публично-властные отношения будут строиться по вертикали иерархической модели с акцентом на контроль, централизацию и ограничение публичной конкуренции;
- во-вторых, они определяют язык и повестку, ценности «прозрачность и отчетность» стимулируют общественную деятельность в виде слушаний, расследований, доступа к историческому наследию, консерватизм в высказываниях;
- в-третьих, они легитимируют конкретные виды политики, например, ценность «социальной справедливости» оправдывает патернализм, ценность «индивидуальной свободы» и эффективность снижают необходимость государственного вмешательства

тельства; «технократическая эффективность» формирует менеджерскую модель публично-властных отношений: власть как сервис, граждане как клиенты, принятие решений основано на экспертном мнении и экспертных данных.

Как сказано ранее, ценностные доминанты формирует практика, однако данный процесс динамичен, обратная связь — ключевой момент этой динамики [19]. Так, устойчивая легитимность закрепляет ценностные доминанты, делая их основой жизни, а кризис легитимности транслирует ценностный конфликт, запускает пересмотр доминант: общество или его часть оспаривает прежние ценности и предлагает альтернативные. Интегративная схема взаимосвязи / производства / трансформации публично-властных отношений, ценностных доминант и легитимности представлена на рисунке 2.

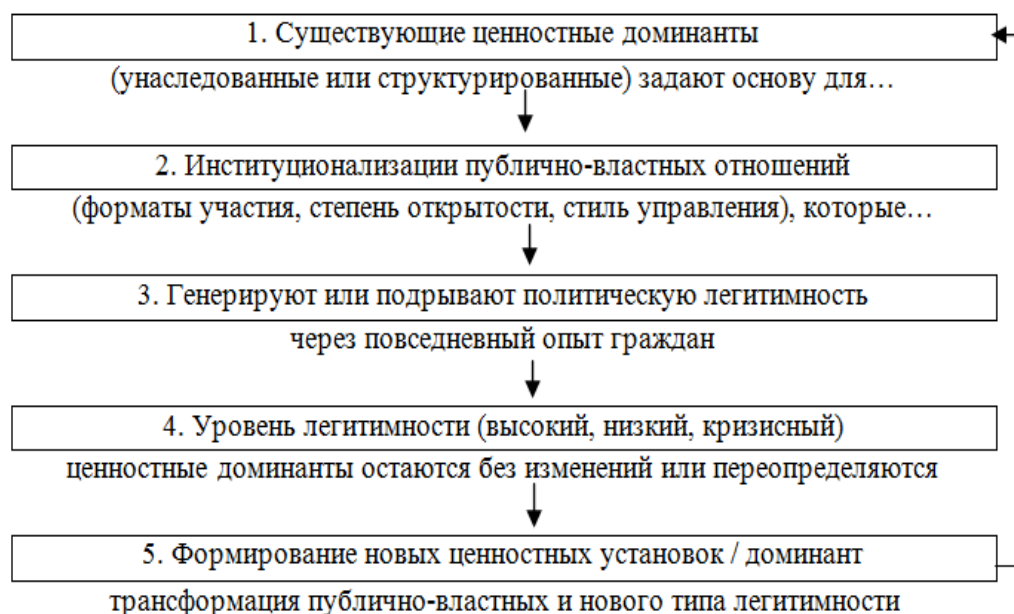

Рис. 2. Схема взаимосвязи легитимности власти, институционализации публично-властных отношений и ценностных доминант

Fig. 2. Scheme of the relationship between the legitimacy of power, the institutionalization of public-power relations, and value dominants

Анализ позволяет структурировать базовые ценностные доминанты по трем основным кластерам, которые находятся во взаимодействии:

- легитимность и доверие — базовая ценность публично-властных отношений: власть стремится к признанию со стороны общества своей законности; источники легитимности могут быть разными: традиции, демократические процедуры;
- суверенитет и порядок (стабильность) — гарантии безопасности, предсказуемости и контроля над территорией;
- справедливость, включающая распределительную справедливость, где государство справедливо распределяет блага, услуги, возможности среди своих граждан, пра-

вовую, подразумевающую равенство перед законом, судом, снижение степени бюрократичности процедур, и социальную, предполагающую выравнивание неравенства среди граждан;

- эффективность и рациональность заключаются в ценности достижения целей с минимальными затратами ресурсов, возможно, на основе экспертных данных, компетентных заключений.

Теория модернизации констатирует факт динамичности, изменчивости ценностей. Ряд авторов утверждает, что бурное развитие технологий, информационной среды середины XX — начала XXI вв. актуализировали такие ценностные доминанты, как [20]:

- прозрачность (транспарентность) и подотчетность власти перед обществом за свои решения и расходы;
- участие и инклюзивность, переход от модели «управление народом» к модели «соуправление с народом»: ценности общественных обсуждений, публичных слушаний, доступность информации к обсуждению, инициативы, краудсорсинг;
- цифровизация и инновации — развитие цифровых платформ для взаимодействия;
- права и свободы личности, включающие индивидуальные права на частную жизнь, свободу, выражение мнения, самореализацию.

Конечно, без конфликта ценностей как базовых, так и актуализированных не избежать. Система публично-властных отношений — это арена борьбы между ценностными доминантами в равное время и при разных обстоятельствах, именно это раскрывает конфликтную, динамичную природу политического [21].

Остановимся на четырех базовых ценностных противоречиях «власть — общество» и одной актуализированной, именно они являются источниками политических кризисов и / или трансформаций:

1. Конфликт между «экспертным знанием» и «общественным мнением». Суть конфликта в том, должны ли решения приниматься быстро, профессионально и централизованно, или же они должны проходить через процедуры общественного согласования, учета и конкуренции мнений? Власть выбирает эффективность: закрытые совещания, экспертные мнения, сжатые сроки. Общество требует участия: слушания, референдумы, право вето.

2. Конфликт между национальными / государственными интересами и глобальными / универсальными ценностями. Суть конфликта: «Имеют ли международное сообщество или наднациональные институты право оценивать действия суверенного государства, если это нарушает общечеловеческие ценности (права, экология, демократия?» [22]. Власть апеллирует к суверенитету как к абсолютной ценности (наши традиции, наш путь, невмешательство во внутренние дела). Часть общества апеллирует к универсальным ценностям (права человека, верховенство международного законодательства).

3. Конфликт между социальной справедливостью и индивидуальным успехом, где сущность выражается в том, должно ли государство гарантировать всем достойный минимум и выравнивать неравенство или должно создавать условия для конкуренции, где каждый добивается успеха.

4. Конфликт между порядком и свободой — пожалуй, извечный выбор и дилемма, классическая проблема политической философии. Что важнее: предсказуемость, безопасность отсутствие потрясений или право на автономию, самовыражение, право на ошибку, критику? Власть склонна к ценностям порядка, управления, ограничению свобод ради безопасности и самосохранения. Часть общества, достаточно активная, видит в этом ограничения, наступление на личные интересы, подавление.

Актуализированные ценности связаны с развитием технологий и цифровизации, и на сегодняшний день в этом заключается новейшее и острейшее противоречие. Цифровые технологии дают беспрецедентные возможности для контроля, сбора данных, прогнозов поведения и манипуляций с информацией. Они же сталкиваются с абсолютной доминантой в перечне ценностей, таких как неприкосновенность частной жизни и автономия личности.

5. Конфликт между цифровизацией (контроль / прогноз / манипуляция) и правами человека (приватность / автономия). Власть видит в цифровизации инструмент эффективности и безопасности: «умный город», распознавание лиц (в том числе преступников), обработка массивов данных, в том числе о гражданах и их действиях. В свою очередь, граждане видят угрозы частной жизни, приватности, риски использования данных в мошеннических схемах, «слив данных», продажу личной информации с целью получения дохода.

С целью выявления ценностей политического характера, актуализированных для разных возрастных групп, в качестве эмпирического исследования среди категорий населения был проведен социологический опрос. Исследование носило пилотажный характер, участвовали жители Тюменской области в возрасте от 18 до 60 лет; категория от 18 до 30 лет самая многочисленная — 45 % (54 человека) опрошенных, так как именно их представления о ценностях и политических доминантах являют собой «окно в будущее». Согласно межпоколенческой теории ценностного сдвига базовые ценности формируются именно с 20 до 25 лет под влиянием внешней среды, а политическая социализация — это результат работы всех институтов, формирующих лояльность гражданина. Исследование ценностей у населения более старшего поколения вызывает аналитический интерес, поскольку они пережили разные политические эпохи и им есть с чем сравнивать, они формируют политический порядок и являются источником понимания ценностей для молодого поколения.

Для сбора эмпирических данных применялся метод анкетирования; объем выборки составил 103 респондента; тип выборки — стратифицированная случайная. Предметом исследования стало представление респондентов о политических ценностях и приоритетах в публично-властных отношениях «власть — общество». Опрос проводился в октябре — ноябре 2025 г. посредством Google Forms. В качестве гипотезы было

выдвинуто предположение, что даже среди населения существуют противоречия в понимании политических ценностей и приоритетов, что сказывается на конфигурации публично-властных отношений. Кроме того, разные возрастные группы имеют разные представления о политических ценностях самого общества и системы властных отношений, а также различаются запросы и требования респондентов к системе власти с учетом возрастных характеристик.

Выборочная совокупность пилотного исследования составила 103 человека, из них 73 — женщины, 30 — мужчины. Распределение по возрастным группам укрупненное: 18–25 лет — 46 чел. (44,6 %), 26–40 лет — 35 чел. (33,9 %), 40–56 лет — 22 чел. (21,3 %). По уровню образования респонденты имеют следующие характеристики: среднее профессиональное образование — 18 чел., неоконченное высшее (обучающиеся на момент опроса) — 31 чел., высшее — 49 чел., кадры высшей квалификации — 5 чел. Среди опрошенных 71 чел. или 68,9 % проживают в Тюмени, 27,1 % в городах Тюменской области, поселках городского типа, на село и деревню приходится 4 чел. или 3,8 %.

Вопросы в анкете были разделены на три блока:

А. Общее отношение к власти и взаимодействию с ней.

Б. Ценностные приоритеты: какими должны быть у власти при взаимодействии с ней населения.

В. Восприятие населением текущих взаимоотношений: что преобладает сейчас?

В каждом блоке предлагалось несколько вопросов. Результаты и мнения респондентов по блоку А. Первый и самый важный вопрос о доверии (А1): «В какой мере Вы лично доверяете следующим институтам власти?» предлагалось отметить по каждой строке (табл. 2).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос о доверии к институтам власти в регионе (чел., доля в процентах)

Table 2. Distribution of responses to the question on trust in regional government institutions (persons, percentage)

Институт власти / Степень доверия	Полностью доверяю	Скорее доверяю	Скорее не доверяю	Не доверяю	Затрудняюсь ответить
Губернатор Тюменской области	36 (34,9%)*	39 (37,8)	14 (13,5%)	8 (7,7%)	6 (5,8%)
Правительство Тюменской области	19 (18,4%)	52 (50,4%)	23 (22,3%)	5 (4,8%)	4 (3,8%)
Законодательное собрание области	21 (20,3%)	49 (47,5%)	20 (19,4%)	8 (7,7%)	5 (4,8%)
Администрация города Тюмени	31 (30,1%)	46 (44,6%)	13 (12,6%)	8 (7,7%)	5 (4,8%)
Суды и правоохрани- тельные органы	32 (31,1%)	48 (46,6%)	7 (6,7%)	12 (11,6%)	4 (3,8%)

* Проценты (%) рассчитаны по строке.

В большей степени респонденты доверяют законодательным органам Тюменской области, Администрации города Тюмени и правоохранительным органам. Полностью доверяют губернатору 36 чел., или 34,9 %, скорее доверяют — 37,8 %, итого 72,2%.

Далее было интересно узнать, как часто взаимодействуют респонденты с органами власти, им был приложен вопрос (A2): «Как часто Вы лично сталкиваетесь или взаимодействуете с региональными или местными органами власти (включая получение услуг, обращение, участие в мероприятиях)?» (рис. 3).

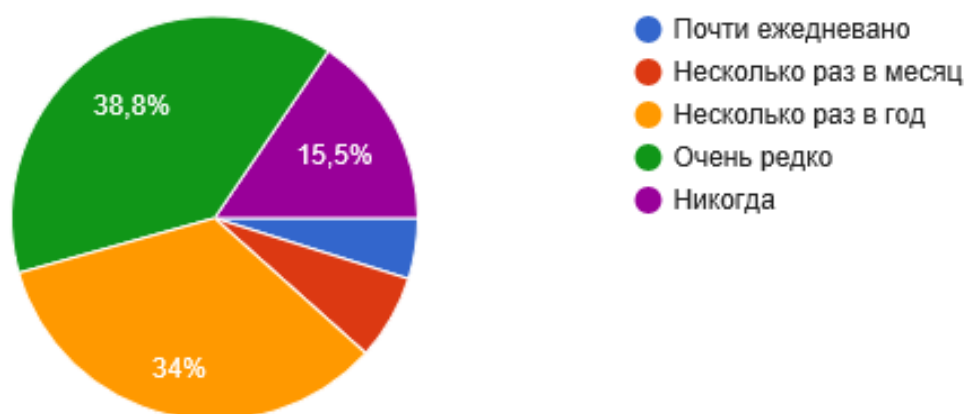

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Как часто Вы лично сталкиваетесь или взаимодействуете с региональными или местными органами власти»

Fig. 3. Distribution of responses to the question: "How often do you personally encounter or interact with regional or local authorities?"

Взаимодействие по большей части редкое: 34 % взаимодействуют несколько раз в год, несколько раз в месяц 7,9 %, почти ежедневно 4,9 %. Только 15,5 % никогда не сталкивались и не взаимодействовали с властью.

Для тех, кто взаимодействовал с властью, предлагалось оценить результаты взаимодействия (A3): 23 человека (22,3 %) ответили, что «Проблема была решена быстро и эффективно»; 33 (32 %) опрошенных ответили, что «Проблема была решена, но с задержками и сложностями», 13 респондентов (12,6 %) «Столкнулись с безразличием и формализмом».

В первом вопросе блока Б (Б1): «Как Вы считаете, какая главная задача у региональных и местных властей по отношению к гражданам?» респондентам можно было выбрать 2 ответа из 7 вариантов: гарантировать стабильность и порядок; обеспечивать экономический рост и развитие региона; гарантировать социальную справедливость и защиту уязвимых групп; обеспечить прозрачность и подотчетность своих действий гражданами; защищать традиционные ценности и культуру региона; создавать условия для самореализации и личной свободы граждан; быть современной и технологичной, использовать инновации в управлении (рис. 4).

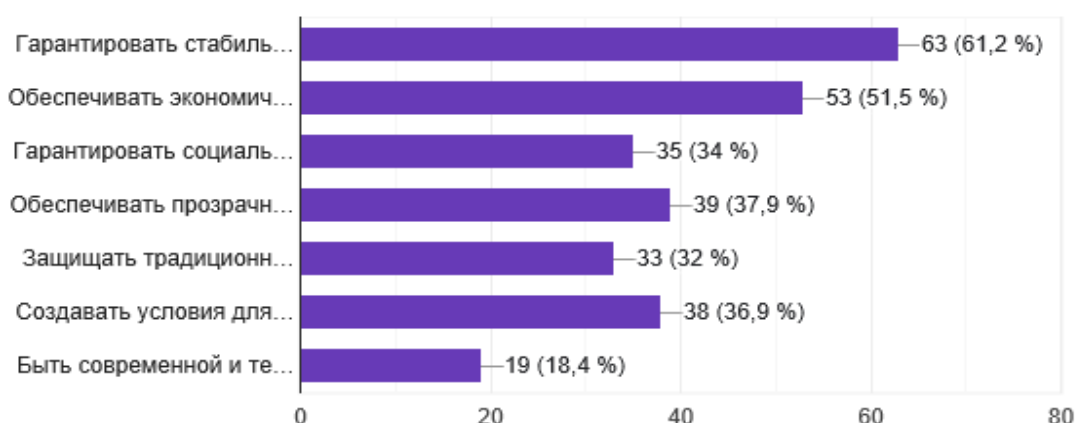

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, какая главная задача региональных и местных властей по отношению к гражданам?»

Fig. 4. Distribution of responses to the question: “In your opinion, what is the main responsibility of regional and local authorities toward citizens?”

Среди опрошенных 61,2 % желает, чтобы власть гарантировала стабильность и порядок, за технологичность выступило 18,4 %. Интересно, что за создание условий для самореализации и личной свободы выступили 38 опрошенных — и это молодежь от 18 до 25 лет.

В следующем вопросе (Б2) предлагалось «Оцените, насколько важны для Вас следующие качества во взаимоотношениях “власть — граждане” по 5-балльной системе, где 1 — совершенно не важно, 5 — чрезвычайно важно».

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос: «Оцените, насколько важны для Вас следующие качества во взаимоотношениях «власть — граждане»

Table 3. Distribution of responses to the question: “Please assess how important the following qualities are for you in “government–citizen relations”

Качество	Балльная оценка (от 1 до 5)				
	1 — совершенно не важно, 5 — чрезвычайно важно				
	1	2	3	4	5
Честность и отсутствие коррупции	10 (9,7 %)*	10 (9,7 %)	16 (15,5 %)	11 (10,6 %)	56 (54,3 %)
Открытость к диалогу и учет мнения граждан	6 (5,8)	5 (4,8)	25 (24,2)	15 (14,5)	52 (50,4)
Справедливость и равный доступ к услугам	6 (5,8 %)	12 (11,6 %)	18 (17,4 %)	11 (10,6 %)	56 (54,3 %)
Компетентность и эффективность в решениях	5 (4,8 %)	10 (9,7 %)	15 (14,5 %)	19 (18,4 %)	54 (52,4 %)
Уважение к историческим и культурным традициям	7 (6,7 %)	10 (9,7 %)	26 (25,2 %)	17 (16,5 %)	43 (41,7 %)
Инновационность, использование цифровых технологий	7 (6,7 %)	12 (11,6 %)	23 (22,3 %)	19 (18,4 %)	42 (40,7 %)
Предсказуемость и соблюдение собственных правил	10 (9,7 %)	7 (6,7 %)	21 (20,4 %)	14 (13,5 %)	51 (49,5 %)

* 100 % по строке

Оказались чрезвычайно важными все предлагаемые качества во взаимоотношениях власти и граждан, в наименьшей степени — инновационность и использование цифровых технологий, в наибольшей — честность и отсутствие коррупции, а также справедливый и равный доступ к услугам.

Выбранные качества подтверждаются мнениями респондентов на следующий вопрос-утверждение (Б3): «С каким из двух утверждений Вы в большей степени согласны?»:

- Вариант А: Главное, чтобы власть обеспечивала порядок и стабильность, даже если иногда это требует ограничений публичных дискуссий и/или контроля за информацией и коммуникациями. Так ответили 53 чел. (51,4 %).

- Вариант Б: Главное, чтобы власть обеспечивала плюрализм мнений, свободу критики, даже если это иногда ведет к бóльшей публичной конфликтности и нестабильности — 48,5 %. Можно говорить о том, что мнения разделились. Среди отметивших вариант Б насчитывается 43 чел. от 18 до 25 лет.

Вопрос блока В: «По Вашим ощущениям, какие ценности и принципы в наибольшей степени определяют сегодня действия власти?» (В1). На выбор респондентам предлагалось не более 3 ответов из 7.

В итоге ощущения опрошенных следующие:

- 62,1 % — ценностью для власти являются «Стабильность и сохранение существующего порядка»;
- 54,3 % — ценностью для власти является «Демонстрация лояльности к федеральному центру»;
- для 42 чел. — «Диалог с разными группами общества»;
- в наименьшей степени, по мнению 33 % опрошенных, действия властей определяются «Решением конкретных хозяйственно-экономических задач».

Последний вопрос о балансе ценностей (В2) звучал так: «Как бы Вы оценили баланс между следующими ценностями в работе региональной власти?». Ответ на шкале ближе к тому полюсу, который, на взгляд респондента, проявляется сильнее.

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос: «Как бы Вы оценили баланс между следующими ценностями в работе региональной власти?»

Table 4. Distribution of responses to the question: "How would you assess the balance between the following values in the work of the regional government?"

Скорее вариант А		Скорее вариант Б	
А. Закрытость, секретность	50 (48,5 %)	53 (51,4%)	Б. Прозрачность, открытость
А. Реактивность (реакция на проблемы)	25 (24,2 %)	78 (75,8%)	Б. Стратегическое планирование
А. Централизация, управление «сверху»	60 (55,3 %)	43 (57%)	Б. Учет региональной / местной специфики
А. Формальное соблюдение процедур	49 (47,5 %)	51 (49,5%)	Б. Реальное решение проблем

И опять же, выводы подтверждают предыдущие результаты. Мнения о балансе ценностей власти разделились: 48,5 % говорят о закрытости власти, однако 51,4 % характеризуют ее как прозрачную и открытую; большим плюсом власти является наличие стратегического планирования, однако респонденты отмечают управление «сверху» и отсутствие учета региональной и местной специфики; для 49,5 % респондентов ценностью власти является решение проблем, остальные отмечают как ценность власти лишь соблюдение формальных процедур.

Выводы

Интерес к теме был обусловлен трансформацией публичного пространства в условиях современных политических изменений: расширение информационной доступности, рост политической активности, усиление запроса на гражданское участие, прозрачность через цифровизацию. В связи с этим анализ ценностных оснований приобретает ключевое значение в понимании вектора эволюции публично-властных отношений. Система публично-властных отношений выстраивается на основе иерархии конкурирующих ценностных доминант. Такая конфигурация определяет политический режим, характер взаимодействия власти и общества, изменение запросов со стороны населения. Приоритет ценностных доминант власти над ценностями общества может обострять внутренние противоречия и вести к политическим конфликтам.

Важна своевременная актуализация социальных и политических ценностей, отвечающих современным запросам. Для выявления мнения населения Тюменской области об актуальных социальных ценностях жителей и представлениях о политических ценностях властей на региональном и местном уровне было проведено пилотное исследование, которое показало, что даже среди опрошенных нет единого мнения по поводу того, какие политические ценности должны быть приоритетными в публично-властных отношениях и стать в итоге политическими доминантами. Чрезвычайно важными для населения остаются честность и отсутствие коррупции, справедливое распределение ресурсов, компетентность и эффективность решений. Эмпирические данные свидетельствуют о поляризации общественного мнения: мнения респондентов о сбалансированности ценностных ориентаций в деятельности органов власти разделились пополам, что демонстрирует отсутствие доминирующей позиции в региональном дискурсе.

Важно отметить, что в условиях цифровой прозрачности повышается доступность к реальным мотивам и ценностям системы власти; все, что было невидимо за бюрократическими процедурами и закрытостью принятия решений, делается доступным для общества. Кроме того, альтернативные источники информации становятся инструментами верификации. Монополия власти на интерпретацию информации была ключевым условием поддержания легитимности, цифровая эпоха разрушает эту монополию, предлагая реальную иерархию ценностных доминант публично-властных отношений.

Именно технологичность управления, с одной стороны, делает процессы рациональными, прямыми, адресными и быстрыми, с другой — может обнажать глубинные разрывы между декларативными ценностями власти и реальной мотиваций публичной деятельности.

Вклад авторов

Скифская А. Л.: проведение эмпирического исследования; написание статьи.

Шишаков П. П.: теоретический анализ данных.

Калинина А. В.: формулирование идеи, цели и задач исследования; разработка методологии.

Шестаков С. А.: научное редактирование статьи.

Authors' contributions

Anna L. Skifskaya: empirical study, writing.

Pavel P. Shishakov: theoretical data analysis.

Anna V. Kalinina: formulation of idea, aim and objectives of the study; methodology.

Sergey A. Shestakov: scientific editing.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests. The authors declare no conflicts of interest.

Список источников

1. История политических учений: учебник для вузов / под редакцией А. К. Голикова, Б. А. Исаева. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. — 383 с. — Текст : непосредственный.
2. Гоббс, Т. Левиафан / Т. Гоббс. — Москва : Мысль, 2001. — 478 с. — Текст : непосредственный.
3. Норт, Д. Вклад неоинституционализма в понимание проблем переходной экономики. / Д. Норт. — Текст : электронный. — URL: https://royallib.com/book/nort_duglas/vklad_neoinstitutsionalizma_v_ponimanie_problem_perehodnoy_ekonomiki.html (дата обращения: 21.02.2026).
4. Фуко, М. Интеллектуалы и власть (Избранные политические статьи, выступления и интервью) / М. Фуко. — Текст : электронный. — URL: https://royallib.com/book/fuko_mishel/intellektuali_i_vlast_izbrannie_politicheskie_statii_vystupleniya_i_intervyu.html (дата обращения: 25.02.2026).
5. Андреева, Г. М. Социальное познание и социальные проблемы / Г. М. Андреева. — Текст : непосредственный // Национальный психологический журнал. — 2013. — № 1 (9). — С. 39–49.
6. Ядов, В. А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности : диспозиционная концепция / В. А. Ядов. — 2-е расширенное изд. — Москва : ЦСПиМ, 2013. — 376 с. — Текст : непосредственный.
7. Амбарова, П. А. Социальное время в контексте современного социологического знания / П. А. Амбарова. — Текст : непосредственный // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. — 2015. — № 2 (35). — С. 13–24.
8. Дилигенский, Г. Г. Социально-политическая психология : учебное пособие / Г. Г. Дилигенский // Ин-т «Открытое о-во». — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Новая школа, 1996. — 351 с. — Текст : непосредственный.

9. Горшков, М. К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики) / М. К. Горшков. Москва: Новый хронограф, 2011. – 672 с. – Текст : непосредственный.
10. Щербинин, А. И. Политическое конструирование образа будущего. / А. И. Щербинин, Н. Г. Щербинина. – <https://doi.org/10.17223/1998863X/56/25>. – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2020. – № 56. – С. 285–299.
11. Щербинина Н. Г. Определение медиареальности и коммуникации в контексте теории политического конструирования реальности / Н. Г. Щербинина. – <https://doi.org/10.17223/1998863X/50/19>. – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2019. – № 50. – С. 219–232.
12. Скифская, А. Л. Социальная среда организации. / А. Л. Скифская, А. С. Гюрджинян. – <https://doi.org/10.31660/1993-1824-2025-4-102-120>. – Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2025. – Т.18, № 4. – С. 102–105.
13. Невмержицкий, А. Ю. Изучение политических ценностей в цифровом пространстве: обзор российских и зарубежных исследований. / А. Ю. Невмержицкий, С. Ю. Белоконев. – Текст : непосредственный // Вестник РУДН. Серия: Государственное и муниципальное управление. – 2023. – Том 10. – № 4. – С. 543–551.
14. Ахременко, А. С. Политический анализ и прогнозирование в 2 ч. Часть 1 : учебник и практикум для вузов / А. С. Ахременко. – Москва : Издательство Юрайт, 2026. – 180 с. – Текст : непосредственный.
15. Шестов, Н. И. Риски формирования и возможности мониторинга приверженности российских молодых граждан традиционным ценностям российского общества / Н. И. Шестов. – <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-448-452>. – Текст : непосредственный // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. – 2022. – Т. 22, № 4. – С. 448–452.
16. Ковалев, А. Н. Иерархия ценностей. / А. Н. Ковалев. – Текст : непосредственный // Вестник Воронежского государственного технического университета. – 2011. – Т.7, № 11-3. – С. 125–128.
17. Розов, Н. С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии / Н. С. Розов. – Новосибирск : Изд-во Новосибирского ун-та, 1998. – 292 с. – Текст : непосредственный.
18. Сидоренко, И. Н. Альтернативные модели модернизации. / И. Н. Сидоренко. – Текст : непосредственный // Труды Белорусского государственного технологического университета. Серия 5. Политология, философия, история, филология. – 2009. – № 5. – С 28–30.
19. Неволин, Б. С. Особенности трансформации общекультурных и политических ценностей в России / Б. С. Неволин, В. Ф. Ницевич. – Текст : непосредственный. – <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2023-11-4-138-148> // Политический дискурс. – 2023. – Т. 11, № 4. – С. 138–148.
20. Демидов, А. И. Ценностная детерминация власти / А. И. Демидов. – Текст : непосредственный. // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2015. – № 6. – С. 208–215.
21. Храмцов, Ф. И. Детерминанты политической аргументации в обеспечении духовной безопасности общества / Ф. И. Храмцова, Т. В. Жмакина. – <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2023-3-1-164-169>. – Текст : непосредственный // Политология. – 2023. – № 3-1(78). – С. 164–169.
22. Туманов, А. Д. Доминанты современной политической культуры и трансформация политического управления. / А. Д. Туманов. – <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-8-128-138>. – Текст : непосредственный // Управленческое консультирование. – 2021. – № 8. – С. 128–138.

References

1. Golikov, A. K., & Isaev, B. A. (2026). The history of political doctrines. Moscow. Yurait Publishing House Publ., 383 p. (In Russ.).
2. Hobbes, T. (2001) Leviathan. Moscow, Mysl Publ., 736 p. (In Russ.).
3. North, D. (2022). The contribution of neo-institutionalism to understanding the problems of the transition economy. Available at: https://royallib.com/book/nort_duglas/vklad_neoinstitutsionalizma_v_ponimanie_problem_perehodnoy_ekonomiki.html (accessed: 02.21.2026). (In Russ.).
4. Foucault, M. (2026). Intellectuals and Power (Selected political articles, speeches and interviews)/ Available at: https://royallib.com/book/fuko_mishel/intellektuali_i_vlast_izbrannie_politicheskie_statii_vistupleniya_i_intervyu.html (accessed: 02/25/2026). (In Russ.).
5. Andreeva, G. M. (2013). Social cognition and social issues. National Psychological Journal, 1(9), pp. 39-49. (In Russ.).
6. Yadov, V. A. (2013). Self-Regulation and Prediction of Individual Social Behavior: A Dispositional Concept. Moscow: TsSPI Publ., 376 p. (In Russ.).
7. Yadov, V. A. (2013). Self-Regulation and Prediction of Individual Social Behavior: A Dispositional Concept. Moscow: TsSPI Publ., 376 p. (In Russ.).
8. Ambarova, P. A. (2015). Social time in the context of the modern sociological knowledge. Surgut State Pedagogical University Bulletin, 2 (35), pp. 13-24. (Russ.).
9. Diligensky, G. G. (1996). Social and Political Psychology. Moscow, Novaya Shkola Publ., 351 p. (In Russ.).
10. Gorshkov, M. K. (2011). Russian society as it is (experience of sociological diagnostics). Moscow, New chronograph Publ., 672 p. (In Russ.).
11. Shcherbinin, A. I. & Shcherbinina, N. G. (2020). Political construction of the image of the future. Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science, (56), pp. 285–299. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/1998863X/56/25>
12. Shcherbinina, N. G. (2019). The Definition of media reality and communication in the context of the theory of political construction of reality. Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science, (50), pp. 219-232. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/1998863X/50/19>
13. Skifskaya, A. L., Gyurdzhinyan, A. S. (2025). The organization's social environment. Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics, 18(4), pp. 102-120. (In Russ.) <https://doi.org/10.31660/1993-1824-2025-4-102-120>
14. Nevmerzhiysky, A. Y. (2023). The study of political values in the digital space: a review of Russian and foreign studies. Bulletin of the RUDN University. Series: State and Municipal Administration, 10(4), pp. 543-551. (In Russ.).
15. Akhremenko, A. S. (2026). Political analysis and forecasting in 2 parts. Part 1 : textbook and workshop for universities. Moscow : Yurait Publishing House Publ., 180 p. (In Russ.).
16. Shestov, N. I. (2023). Risks of formation and opportunities for monitoring the commitment of Russian young citizens to the traditional values of Russian society. Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 22(4), pp. 448-452. (In Russ.). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-448-452>
17. Kovalev, A. N. (2011). Hierarchy of Values. Bulletin of the Voronezh State Technical University, 7(11-3), pp. 125-128. (In Russ.).
18. Rozov, N. S. (1998). Values in a problematic world: philosophical foundations and social applications of Constructive axiology Novosibirsk: Publishing House of Novosibirsk University Publ., 292 p. (In Russ.).
19. Sidorenko, I. N. (2009). Alternative models of modernization. Proceedings of the Belarussian State Technological University. Series 5. Political Science, Philosophy, History, and Philology, (4), pp. 28-30. (In Russ.).
20. Nevolin, B. S., & Nitsevich, V. F. (2023). Peculiarities of general cultural and political values transformation in Russia. Upravlenie / Management (Russia), 11 (4), pp. 138-148. (In Russ.). <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2023-11-4-138-148>

20. Demidov, A. I. (2015). The valueable determination of the power. Bulletin of the Saratov State Law Academy, (6), pp. 208-215. (In Russ.).
21. Khramtsov, F. I. & Zhmakina, T. V. (2023). Determinants of political argumentation in ensuring the spiritual security of society. Political Science, 3-1(78), pp. 164-169. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2023-3-1-164-169>
22. Tumanov, A. D. (2021). The Dominants of Contemporary Political Culture and the Transformation of Political Governance. Administrative Consulting, (8), pp.128-138. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-8-128-138>

Информация об авторах / Information about the authors

Скифская Анна Леонидовна, кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2461-9030>

Шишаков Павел Павлович, аспирант, Тюменский индустриальный университет, Тюмень,

Калинина Анна Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, kalininaav@tyuiu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6086-8387>

Шестаков Сергей Александрович, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, shestakovprof@gmail.com

Anna L. Skifskaya, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen, skifskajaal@tyuiu.ru

Pavel P. Shishakov, Graduate Student, Industrial University of Tyumen, nice.shishakov@mail.ru

Anna V. Kalinina, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen, kalininaav@tyuiu.ru

Sergey A. Shestakov, Doctor of Political Sciences, Assistant Professor, Professor of the Department of Marketing and Municipal Government, Industrial University of Tyumen, e_deliu@vniigaz.gazprom.ru

Поступила в редакцию / Received 02.03.2026

Поступила после рецензирования / Revised 01.04.2026

Принята к публикации / Accepted 24.04.2026